

The image features a white background with the name 'Андрей Дрожжин' printed in a black serif font. The scene is decorated with numerous colorful candies and lollipops, including wrapped chocolates, lollipops with sticks, and a round lollipop with a red label. A hand is visible on the right side, holding a lollipop. At the bottom, a metal grid structure is partially visible.

Андрей Дрожжин

Игорей

12+

Андрей Дрожжин

Игорёк

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Дрожжин А.

Игорёк / А. Дрожжин — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Говорят, что служба в армии способна изменить до неузнаваемости. Хорошо если из какого-нибудь шалопаю она сделает настоящего человека. Но что будет окажется там увлекающийся, разносторонне талантливый человек? Рассказ "Игорёк" как раз о таком парне.

Первое письмо пришло почти через год, как Игорька «забрили» в армию – в конце августа 89-го.

Мы не были друзьями, какими бывают не дети, – их свобода еще очень зависит от родителей, а подростки, которые все время вместе, один за другого «горой», все общее и т.д.

Или все-таки были? Ведь в детстве мы играли в футбол-хоккей, гоняли на великах. Что это было – дружба? Возможно. В детстве всех без разбору называешь друзьями.

Разница в возрасте, 4 года, при обилии одноклассников, не оставляла никаких шансов углублению наших отношений. Игорёк был для нас старшим товарищем, обратиться к которому без надобности, никто как-то не осмеливался. Само собой, выругаться, дать пинка или что-то подобное в его сторону могло иметь для нас печальные последствия. И чтобы их не иметь, мы держались отдельно, не находя, в тоже время, храбрости отказать Игорьку, если ему что-то было нужно от нас. А так как его ровесников во дворе практически не было, то его авторитет нуждался в нашей компании.

На все лето Игорёк уезжал на дачу, и никто не вспоминал про него.

Время шло и с годами разница в возрасте начала стираться.

В компании Игорька стало даже интересно. Особенно когда он увлекся астрономией. Мало сказать увлекся, – стал одержимый.

Впоследствии одержимость происходила всегда, стоило лишь идеям посетить его русую голову. Когда знаний и материала по предмету накапливалось достаточно, Игорёк начинал искать учеников. И началось все именно с астрономии.

Он всегда был болтун, а теперь он болтал о «высоком», таинственном, бескрайнем и перспективном.

Мне никогда не везло на увлечения. Я не умел рисовать. Мастерить пытался, но конечный продукт получался бесспорно безобразным. Собираение марок, значков, монет, открыток, ключей, пробок, и тому подобного беспредметного мусора – было кратковременным и несерьезным. Даже не смотря на периодические возвращения к ним с неподдельным энтузиазмом. Ничего я так и не смог собрать и доделать до конца. Вероятнее всего, мне просто не хватало усидчивости.

Ребята ходили в секции и кружки, оставались на «продленку», где, хоть и в стенах школы, но было, как мне казалось, интересно. Там их и кормили, и уроки они делали все вместе, и, по их собственным рассказам, занимались «черт знает чем» (а это я любил!). А еще я очень любил гулять, хотя в юности интерес и к гулянию как-то сам по себе угас. Но это случилось гораздо позже, а сейчас нужно было занять себя чем-то осмысленным, помогающим становлению личности.

Увязывался за ребятами в «Радиокружок», но кроме запаха канифоли ничего мне там не нравилось. Я не отличал резистора от диода, не понимал, как нужно припаять, чтобы работало, и вообще, почему все припаянное должно работать? Огромное количество старой, разобранной аппаратуры с вывернутыми платами, километрами проводов, разбитыми лампочками и приборами и другой нечистью, все сваленное в кучу начинающуюся от входа и тянущуюся до самых дальних уголков «кружка».

С одной стороны, капающие в этих обезображенных внутренностях мои друзья – Пашка, Игорь, Лешка вызывали во мне трепет и восхищение их способности отличить ценную деталь от ерунды. С другой, приводящее в панику, мое полное дилетантство – вот главные воспоминания о радиолюбительстве. Ребята, впрочем, тоже быстро покинули кружок, когда поняли, что взять для себя оттуда больше нечего. Но продолжали собирать радиодетали и что-то даже мастерили.

Кружок «Авиамоделирования» и спортивные секции были довольно далеко и т.к. никто из наших их не посещал, то и я не стал...

И тут очень кстати подвернулся Игорёк со своими затеями. Я понял, что это мое.

Во-первых, потому что Астрономия (наука о далеком) – так близко, – в соседнем подъезде. Это удобно.

Во-вторых, Астрономия – это тепло и уютно в небольшой игорьковой комнате. Два платяных шкафа и две полуторные кровати, оставляющие между собой узкий проход к письменному столу и стулу в драпированном «с головы до пят» чехле. Кровати заправлены в лучших армейских традициях. Днем садиться на них запрещено. Откуда это, – не понятно, – военных в семье нет. Для пришедших на форум астрономов к столу подставлялся еще один стул-близнец и кухонный, без затей, табурет. Главное, – более трех не собираться! Вот такая была и, вероятно, есть до сих пор, комната.

Застекленная, заваленная всем не уместившимся в квартиру, лоджия первого этажа; густые кусты и выше них кроны разросшихся деревьев навсегда погрузили эту обитель мудрости в полумрак, если не сказать во мрак. Ну, как не об Астрономии грезить в таких благоприятных условиях!

В-третьих, свободный график. Это здорово!

В-четвертых, никакой обязаловки (ведь в случае чего, преподавателя можно и послать!) и домашних заданий. Это вообще супер!

В-пятых, иногда перепало подкормиться чем-нибудь. А это отдельная тема!

Непонятно, почему в детстве мы всегда хотели есть? И особенно это чувство возникало на улице или в гостях. Домой приходишь, – вроде, и не хочется, а на улице нападает жор. То и дело за баранками, печеньем, конфетами (если удавалось достать шоколадные, то это особый шик!), в худшем случае просто за хлебом домой засылались гонцы. Не брезговали никакими продуктами. Иногда гонцы не возвращались. Их, как мы называли данное явление, – «загоняли». Загонщиками являлись родители. Тогда домой направлялся следующий делегат либо вся оставшаяся братия шла в магазин за покупкой или на мелкое воровство. Бывало и то и другое сразу.

В магазине «брали» плавленые сырки, хрустящую картошку, хлеб. Больше ничего не припомню, выбора особенно не было. Ловили нас очень редко. Сейчас я даже думаю, что на наше мелкое воровство, а брали мы за раз прожиточный (до следующей кормежки) минимум, например, четвертинку «черного» за пять копеек, продавцы просто закрывали глаза. Ну, не могли же они не понимать, зачем в магазин заходят пять-шесть мальчишек, обходят торговый зал, трутся у лотков и уходят, ничего не купив. Когда же кого-нибудь ловили, то дело заканчивалось укорами. Мы принимали их искренно, т.к. и сами знали, что воровать нехорошо. Дениска даже плакал.

Успокаивала нас только стабильность социалистического хозяйства, а отсюда и вера, что хлеба хватит на всех и без этой четвертинки. Да ведь и брали мы ее не из баловства, а по детской нужде голодной! Никогда воровством не гордились и не похвалялись. В заключение этого отступления от Игорька, с искренней радостью, не могу не отметить, что настоящим воровом из всей нашей ватаги никто так и не стал!

Игорёк, кстати, в подобных вылазках не участвовал и с ним поэтому никто не делился. Но и он, возвращаясь к пятому достоинству науки Астрономии, не был любителем поделиться продовольствием. Семечки, скажем, он выдавал не так, как это положено делать – горстями, пусть и небольшими, а трехпальцевыми щепотками. При этом укоризненно произносил: «Ух, ты, прожорливый птенец!». Но дома Игорька легче было «раскрутить» на сухарик или конфетку.

Теперь вернемся к занятиям о «высоком».

Стоит ли говорить, что вскоре чтение «статей на тему» из журнала «Наука и жизнь» мне осточертело, и я стал посещать заседания факультативно. Благо у Игорька нашлось немало одноразовых слушателей, а в соседнем подъезде жил некий Дима с телескопом, увлекающийся астрономией всерьез. Вроде бы, это он и научил Игорька мастерить карту звездного неба из фольги истыканной иголкой. Закрыв такой фольгой перевернутую настольную лампу, на потолок можно спроецировать действительно красивую картинку. До сих пор Астрономия ассоциируется у меня с прокляванной по выкройке из «Науки и жизни» фольгой.

К Игорьку я стал заходить все реже. Только когда хотелось к кому-нибудь в гости, все равно к кому. Игорёк «кустарил» телескопы и мечтал о фабричном. Он продолжал рассказывать мне о них, о космических изменениях, о космических же замыслах по строительству обсерватории на даче, с демонстрацией чертежей и смет. Я вяло слушал и не старался перевести разговор, потому что общих тем не находил, – все мои мысли были о девочках, а в одну я даже был влюблен. Убаюканный я шел домой. И так все реже и реже пока не случилось вот что.

Игорьку первому из нашего двора купили кассетный магнитофон. Собственный! На смотрины приглашались поодиночке – это, блин, не Астрономия! Мне выпала честь быть одним из первых. В полумраке-мраке комнаты, стоя на столе, чернел ОН. Кажется, это был «Весна». Мы сели у стола и уставились на оранжево-красный бессистемно моргающий светодиод магнитофона. Игорёк поставил кассету, которую прилагали к «Весне» и мы погрузились в прослушивание голимой эстрады соцлагеря. Больше никаких записей не было. Впечатления на меня этот музон не произвел. Гораздо больше мне нравилось проводить время перед отцовским проигрывателем или катушечным магнитофоном. Там все было крупнее, вращалось быстрее и от него чем-то очень приятным пахло. Ленту можно потрогать пальцем, дотронуться, так сказать, до великого искусства. Короче, выглядело все солиднее. Да и разве могла сравниться никчемная эстрада братьев славян с Пинк Флойдом, Бони М, Иглз, Донной Саммер и еще кучей всего самого лучшего!

Прошло какое-то время. Записи у Игорька появлялись, но кроме песни «Мы ждем перемен» группы «Кино», ничего мне что-то не припоминается. Наверное, слишком разные у нас вкусы. Игорька потянуло в сторону хард-рока, а я всегда тяготел к более простой и мелодичной музыке. Сейчас я понимаю, что мне очень нравилось диско, и до сих пор, кстати, нравится.

Самое интересное, и это очередная веха, произошло, когда Игорёк заявил, что он стал барабанщиком. Мне, окончившему музыкальную школу, показалось очень странным: как это человек ни с того ни с сего, в один день, из простого астронома может превратиться в музыканта, или пусть даже в барабанщика? Представления об игре на барабане у меня были, честно сказать, неглубокие, – в пионерлагере я пробовал бить в пионерский барабан. Получилось неказисто, но научиться стучать, при желании, было вполне по силам. Однако научиться стучать на установке, где барабанов несколько, а еще тарелки и педали, да за считанные дни, да еще и сносно, а если вдруг еще и не стучать, а играть (!), мне казалось едва ли возможным.

Неверие не замедлило обернуться против меня. Игорёк достал со шкафа перемотанные изоляцией палочки, осмотрел, укоризненно качая головой, их зауженные концы (этому ритуалу, по моим наблюдениям, все начинающие барабанщики уделяют особое внимание) и принялся изо всех сил долбить поставленную между ног табуретку младшего астронома.

Он делал это долго. С перерывами и без. Под музыку и соло. Я чуть с ума не сошел и готов был поверить, что стать ударником возможно за любой срок, лишь бы это прекратилось немедленно и навсегда! Но мучения не кончились и тогда, когда от палочки стали отлетать щепы. Игорёк вновь укоризненно оглядел их, положил на табуретку подушку и продолжил показательное выступление, прибавляя в воздух пыли. После этого случая видеться с Игорьком я предпочитал на улице.

Стоит ли говорить, что с палочками он ходил всегда и везде. И пускал их в ход тоже всегда и везде, как только нижние конечности прекращали движения. Может, это от палочек

случилось, а может, и раньше было, просто я не замечал, но у Игорька стали трястись руки и потеть ладони.

Музыкой Игорёк увлекся серьезно и разносторонне. Где он бывал не известно. Во дворе он стал появляться все реже, и даже не всегда подходил к нам, идя, домой от остановки. Зимой это был человек в драповом пальто с поднятым воротником, заправленными в сапоги джинсами и «пидорке». Вид неопишимо нелепый. Он понимал, что над ним уже, не скрываясь, смеются. А чего было скрываться, мы уже подросли, силы примерно уравнились. Только я относился к Игорьку с пониманием. Он это знал, но из-за меня лишний раз подходить к компании не рисковал. Но не подойти, когда в сумке или просто под мышкой для всеобщего обозрения, были пестрые импортные конверты с пластинками, Игорёк не мог! Впервые я увидел настоящий, «родной» винил “Rainbow”, “Uriah Heep”, “Megadeth”, “Accept” и многое другое. Приглашенный на прослушивание, я вывел для себя, что выглядит это гораздо лучше, чем звучит.

Кстати, как в сумраке игорьковой комнаты появился проигрыватель и кассетная дека, я уже не помню. Проигрыватель, отечественный, но хороший, кажется, «Арктур», разместился на подоконнике (я всегда удивлялся, как же он на него уместился (?), оказалось на первом этаже подоконники шире), а дека на столе под лампой вдоль стены. С двумя стрелочными индикаторами, один из которых быстро скис, она дополнила замкнутость пространства комнаты, и сидя за столом при вечно включенной настольной лампе, казалось, что находишься в тесной кабине звездолета.

Ощущение присутствия в межпланетном корабле прерывалось лишь, когда Игорёк приносил на деревянной разделочной доске вонючие щи из кислой капусты в металлической лоханке, ставил их на стол и начинал громко хлебать. Он низко наклонялся над эмалированной миской, чтобы нависшая настольная лампа не подглядывала, что Игорёк с ними делает. А щи дымили на его чуб и, казалось, смердели еще сильнее. Сколько после такого безобразия не гостишь у Игорька, а ощущение звездолета уже не возвращается. А бедный «Весна» со своей уже не моргающей оранжево-красной лампочкой перекочевал в более темный уголок и оттуда слушал пластинки.

Следующей вехой стало появление Игорька с гитарой. Он стал гитаристом. Как обычно – мгновенно и окончательно.

На этом этапе я узнал, что если гитара не в кофере, то это не инструмент, а ерунда. Поэтому от первой Игорёк быстро избавился. Вторую он купил за бешенные по тем временам деньги (по цене видеоманитона в первые годы перестройки, а его могли позволить себе далеко не многие!). Откуда у него взялись деньги – большой вопрос! Работающего хоть где-нибудь Игорька, я что-то не помню. Потом оброс шнурами и примочкой.

Он знал все обо всем, что связано с музыкальными инструментами и музыкой. Все модели инструментов и сколько они стоят; все магазины и что в них есть; всех музыкантов и их группы не только нашего района, но и всего мира. Именно Игорёк помог, а вернее, настоял на покупке мной электрогитары. Мы поехали, черт знает куда, – на другой конец города, и за 260 рублей (приличная для меня сумма) купили “Jolana Disco” за № 4161 чешского производства в дерматиновом чехле. Игорёк явно лукавил, «святая» мне этот инструмент в мягкой упаковке, как хороший. Но и позволить приблизиться к себе покупкой мной гитары в кофере он тоже не мог. Нужно войти в его положение – страсть к твердой таре была маниакальной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.